

Александр
Етоев

УЛЯ ЛЯПИНА

супердевочка
с нашего
явора

ПОЛОСАТАЯ
ЗЕБРА
В КЛЕТЧКУ

Александр Етоев
Полосатая зебра в клеточку
Серия «Уля Ляпина, супердевочка
с нашего двора», книга 2

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172076

*Уля Ляпина, супердевочка с нашего двора. Полосатая зебра в
клеточку: Амфора; Москва; 2005
ISBN 5-94278-826-X*

Аннотация

Повесть А.Етоева «Полосатая зебра в клеточку» продолжает цикл книг про супердевочку Улю Ляпину. На этот раз приключения поджидают Ульяну во время летних каникул на берегу Черного моря. Помогая своему новому другу Геркулесу спасти зебру Чуню с неправильными полосками, наша героиня проявит чудеса смелости и находчивости.

Содержание

Глава 1. Продольно-полосатая зебра	5
Глава 2. Геркулес и Чуня	9
Глава 4. Профессор Омохундроедов	20
Глава 5. Черный дельтаплан	26
Глава 6. Фанерный фотограф Гоблин	32
Глава 7. Телепалов плетет интригу	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Александр Етоев

Полосатая зебра в клеточку

Моей Ульяне, кому же еще

Глава 1. Продольно-полосатая зебра

Черного у Черного моря было только одно название. Уля Ляпина лежала на полотенце и смотрела через щелочки век на Черное не черное море. Зеленовато-голубая вода, подернутая солнечной рябью, лениво набегала на берег и слизывала с чьего-то тапочка соленый морской песок. Пузатый дядька в ковбойской шляпе и звездно-полосатых трусах вразвалочку подошел к воде и обмакнул в нее незагорелую пятку.

– Блю вотер! – сказал он по-иностранному, что в переводе на разговорный русский означает: «А водичка-то голубая!» Пузатый дядька почесал пузо, и на лицо его набежала тень. «Не предъявить ли, – подумал дядька, – туристическому агентству иск на тыщонку этак другую баксов? Обещали ведь море Черное, а оно обыкновенное, голубое». В это время черноморское солнышко улыбнулось привередливому туристу, иностранец подобрел, передумал и с шумом, как бегемот в болото, плюхнулся в прозрачную воду.

– Канар им мало. – Дама в старомодном купальнике, оседлавшая промятый лежак, хмуро посмотрела на иностранца. – Своих бездельников девать некуда, так еще и чужие прутся.

– Фучинэ! Кому фучинэ! Обалденные горячие фучинэ! –

Даму заглушил голос, доносившийся от огромной кастрюли, которая таинственным образом перемещалась среди отдыхающей публики.

Когда кастрюля переместилась настолько, что в трещинках на белой эмали стал угадываться марсианский пейзаж, супердевушка наконец разглядела, что кастрюля передвигается на ногах. Ноги были загорелые, человеческие и принадлежали невысокому пареньку с жесткими курчавыми волосами и приплюснутым африканским носом.

– Третий день ходит, а всё горячие! – Дама в старомодном купальнике нашла новый объект для критики. – Вот народ эти местные! Без обмана шагу ступить не могут.

Супердевушка приподнялась на локте, чтобы позвать паренька и прицениться к экзотическому продукту, как вдруг со стороны павильонов, торгующих прохладительными напитками, раздались угрожающий рык и тихое недоуменное ржание.

Уля Ляпина посмотрела туда и увидела удивительную картину.

У столика под широким тентом стояла маленькая скромная зебра, а перед ней, как людоед на картинке, возвышался полуголый верзила с пивной кружкой в одной руке и со столовым ножом в другой. Рычал верзила; он был трехцветный, как светофор, – с красным обгоревшим лицом, желтыми пивными глазами и веточкой зеленой петрушки, прилипшей к его клейкой губе.

Но удивительное было вовсе не в том, что зебра, пока человек обдумывал, не заказать ли к пиву еще и порцию черноморских бычков в томате, случайно отхлебнула из его кружки. Удивительное заключалось в другом: полоски на теле зебры располагались почему-то не поперек, как это водится у обычной зебры, а тянулись по телу вдоль – от хвоста до носа.

Дальше произошло следующее. Мальчишка с курчавыми волосами опустил свою посудину на песок и кинулся стремглав к павильону. Он успел ровно в ту секунду, когда рычащий от обиды верзила, бросив нож и кружку на столик, заносил свой здоровенный кулак над растерявшимся четвероногим созданием.

– А ну-ка уберите кулак! – смело сказал мальчишка, вклиниваясь между зеброй и потерпевшим. – У нас бить животных запрещено.

– А пиво хлебать из чужой посуды, значит, разрешено? – Верзила хмуро смотрел на мальчика, не понимая, откуда он такой взялся. Кулак его продолжал висеть, готовый в любое мгновение обрушиться хоть на голову простодушной зебры, хоть на скрытую под курчавыми волосами макушку ее защитника.

– Пить пиво давно не модно, – послышался посторонний голос.

Вы, конечно же, наверняка догадались, что сказала это супердевочка Уля Ляпина, вспомнив слышанную когда-то

фразу, принадлежащую Фредди Крюгеру, ее другу, крутому байкеру по имени и фамилии Федор Крюков. Она была уже в зоне конфликта, в три прыжка преодолев расстояние от полотенца, на котором лежала, до павильона с прохладительными напитками.

– Наше поколение выбирает натуральные соки, – добавила для важности супердевушка, чтобы этой весомой формулировкой окончательно уконтропупить противника.

Глава 2. Геркулес и Чуня

Звали паренька Геркулес, сокращенно – Герка. Зебру с неправильными полосками звали ласково и красиво – Чуня. Жили они здесь, в Богатырке, на самой ее окраине, вместе с бабушкой и Геркиной мамой. Мать работала на Опытной плодово-ягодной станции в Старой Яйле, это от Богатырки на автобусе еще километров двадцать в сторону Медвежьей горы. Геркин папа жил далеко – в Африке.

– Я когда-нибудь тоже туда уеду, – твердо заявил Герка, когда они втроем, он, Ульяна и молчаливая зебра Чуня, шли по пыльной дороге в гору к ярко-белым домикам Богатырки, прячущимся в тени садов.

– Здесь же здорово, особенно море, – удивилась супердевочка Уля. – Зачем уезжать? – Супердевочка никак не могла понять, к чему менять всю эту райскую красоту на какую-то дикарскую Африку, где крокодилы, гориллы, барма-леи и злая муха цеце.

– Кому здорово, а кому не очень, – уклончиво ответил ей Герка. Он поправил кастрюлю, пристроенную на спину зебры, и потрепал животное по загривку: – Чуня, ты хочешь в Африку?

Зебра вздрогнула, коричневым глазом посмотрела в лицо хозяину и ответила по-своему: «Да».

– Вот видишь? – Герка виновато вздохнул. – В Африке у

нее дом, там у нее родители, братья, сестры. А здесь ее собаки гоняют за то, что шкура раскрашена не в ту сторону. Хорошо бы только одни собаки! – Герка зыркнул взглядом куда-то на вершину горы, где под белым, уставшим от долгого солнца небом в промежутках между зонтиками листвы блестели какие-то уродливые конструкции.

– Бедненькая, – сказала Уля. – Ну-ка дай-ка я понесу кастрюлю, небось устала на такой-то жаре.

– Чуня крепкая, – ответил за зебру Герка. – Мне ее папа прислал на день рождения из Уагадугу. Папа служит в национальном парке Буркина-Фасо, это государство в Западной Африке. Он там лечит диких животных и охраняет их от браконьеров. Такие зебры, кроме Буркина-Фасо, в мире больше нигде не водятся.

– Вот уж точно, – сказала Уля. – Таких зебр, как твоя Чуня, я даже в нашем зоопарке не видела.

– Папа говорит, что это свойство местной воды. Зебры ходят на водопой туда, где сливаются две реки – Белая и Черная Вольта. В их воде растворены какие-то специальные вещества, вот они-то и разворачивают полоски вдоль.

Так, болтая о загадках африканской природы, Уля с Геркой и зеброй Чуней вышли на асфальтовое шоссе, разделяющее Богатырку на два района – на Террасы и Санаторий.

Первый полз уступами в гору и оккупировал вместительную долину с мелкой речкой под названием Непротока, которую от греха подальше спрятали в трубу из шлакобетона, а

трубу закопали в землю. Очень уж своим ворчливым журчанием и капризным, непредсказуемым нравом досаждала эта вредная Непротока жителям района Террас.

Второй район считался курортной зоной. Он занимал прибрежную территорию от диких скал в районе Колбасной бухты до Нового потемкинского лимана, за которым начинались владения соседнего с Богатыркой поселка Стерлядево.

Все эти топографические подробности мы приводим здесь исключительно для читателей, не знакомых с географией Крыма, чтобы им легче было себе представить, где происходит действие нашей повести.

Глава 3. Кафе «Баланда» и его обитатели

Итак, супердевочка Уля Ляпина и два ее новых друга вышли на центральную улицу Богатырки, которая на самом деле представляла собой километровый участок автомобильной трассы «Феодосия-Севастополь» с ограниченной в пределах поселка скоростью движения автотранспорта.

Местный богатырский Бродвей, или Невский, или улица Горького, ныне опять Тверская, – в общем, для кого как, – в это среднее время суток выглядел не очень-то оживленным. Это к вечеру, когда отдыхающие, отлежав на пляже спины и животы и приняв на душу тройную дозу солнечной радиации, дружно высыпают на тротуары, – вот тогда здесь и начинается настоящая курортная жизнь. Столовые на время пре-

вращаются в шикарные рестораны, где простая пережаренная котлета называется бифштеком по-богатырски. Многочисленные сувенирные лавки торгуют популярными в этом сезоне маленькими черноморскими раковинами, в которых вместо шума прибора слышны звуки украинского гимна. Художественные салоны и кабинеты предлагают вам услуги на выбор – от модных татуировок в курортном стиле до изготовления любых документов, включая иностранные паспорта.

Тон всему этому карнавалу задавало кафе «Баланда», выходящее открытой террасой на широкий тротуар главной улицы.

Сейчас оно было тихим, если не считать громкой музыки, доносящейся из динамика на стене. Под скупой аккомпанемент электрогитары хриплый голос Миши Квадратного, короля отечественного шансона, ублажал случайных прохожих бесконечной песней о главном.

На террасе в плетеном кресле сидел длинный усатый парень, курил и ногой в сабо притопывал в такт голосу из динамика. На нем были гавайка навыпуск и шорты, переделанные из джинсов, с короткими лохматящимися краями. Увидев Герку, длинный настезь распахнул рот. Верхний ряд зубов у длинного был из платины, нижний – подешевле, из нержавеющей стали.

Герка недовольно насупился и искоса взглянул на Ульяну. – Побудешь с Чуней, я на минутку? – попросил он.

Супердевушка послушно кивнула.

Геркулес снял с зебры кастрюлю и зашаркал с ней по асфальту к кафе. Медленно взошел на террасу и поставил кастрюлю перед усатым.

– Рановато ты сегодня, брателло, ой рановато. Неужели всю кастрюлю продал? – Парень, не покидая кресла, левой, нетолчковой ногой нехотя потянулся к крышке. Сабо его облегченно выдохнуло, получив пятисекундную передышку. Крышка повисла в воздухе на крючке большого пальца ноги, затем с грохотом вернулась на место. – Слушай, у тебя совесть есть? – Длинный докурил сигарету и отбросил ее щелчком в кусты. – Это тебе не в Африке по деревьям с обезьянами прыгать. Здесь люди цивилизованные, за базар отвечают. Почему фучинэ не проданные?

– Не берут, говорят – резина. И что от мяса марганцовкой воняет.

– Ерунда! – возмутился длинный. – Небось пятки обжечь боишься? По песочку лишний метр пройти? – Он вытянул свою рачью шею и в упор уставился на мальчишку. Затем, загибая пальцы – теперь уже на руке, а не на ноге, – принялся подробно перечислять: – От Юсупа я тебя защищаю, от Мыколы я тебя защищаю, от Японца я тебя защищаю. Так что, – длинный развел руками, – ты теперь по гроб костей мой должник.

Герка стоял понурый и уныло шевелил желваками. Из динамика на стене кафе нервный тенор Миши Квадратного

что-то пел про Владимирский централ.

– Что молчишь? В башке пересохло? – Длинный показал на кастрюлю. – В общем, ноги в руки и в Санаторий. И пока все фучинэ не продашь, в Богатырку можешь не возвращаться.

Ульяна все это время прислушивалась к их странному разговору. Манеры усатого грубияна супердевочке не понравились сразу. И, естественно, услышав угрозы, она больше не могла сдерживаться.

– Чуня, место! – приказала она лошадке и быстрыми, решительными шагами направилась к террасе кафе.

– Какое вы имеете право эксплуатировать детский труд! – первое, что сказала Уля, уперев кулаки в бока и сверля усатого супервзглядом своих суперсердитых глаз. Второе, что сказала Ульяна: – Вы, наверное, с крокодилами воспитывались, раз не знаете приличных манер? Почему вы сидите, когда с вами разговаривает дама?

Длинный от такого напора подскочил и вытянулся в струну. Из кафе, из дверной проёмы, пялились на эту картинку вышибалы Витек и Вовик. Даже барменша Долорес Ефимовна не удержалась на вертящемся стуле и высунула физиономию на террасу.

– Это что еще за королева кривых зеркал? – удивленно спросил усатый, когда, оправившись от нервного потрясения, снова принял положение «сидя».

– Я не королева, – сказала Уля, – я – супердевочка Уля

Ляпина. А ты что стоишь столбом? – Она повернулась к Герке. – Где твое чувство собственного достоинства? Неужели ты не можешь просто взять и сказать этому нахальному типу: «Ну-ка бросьте ваши людоедские штучки, мы не в каменном веке!»

– Слушай, ты откуда такая смелая? – Длинный почесал пятку. Затем крикнул голосом феодала, приказывающего своим верным вассалам: – Долорес, мороженого «Братан» три порции! И коробку конфет «Братва»! Ну и соку персикового из холодильника. Вовик, Витек, выкатывайте для гостя столик. Цветочки там, салфеточки, все такое.

– Спасибо, – сказала Уля, – я не голодная. Оставьте ваши конфеты и мороженое себе, супердевички за конфеты не продаются! Скажите лучше, почему вы угрожаете Герке? Зачем вы его обзываете каким-то идиотским брателлой? Сами вон как дядя Степа с усами!

– Я ему угрожаю? – расплылся в улыбке длинный. – Геркулес, а ну-ка скажи, угрожаю я тебе или нет? Да я ему, можно сказать, роднее отца родного, я его от местных рэкетиров спасаю. У любого в Богатырке спроси: «Хороший человек Телепалов?» – любой тебе ответит: «Хороший». И не какой я, между прочим, не эксплуататор. Думаешь, я почему его на пляж посылаю? Это ж я исключительно ради культурных целей. Послезавтра здесь, в Богатырке, дает единственный эксклюзивный концерт Миша Квадратный со своей группой. Я выступаю спонсором. А знаешь, сколько он требует за каж-

дую минуту на сцене? Мне всей выручки «Баланды» за курортный сезон не хватит, так много. Вот мне Герка помаленьку и помогает. Кстати, девочка, если не хочешь мороженое, могу тебе предложить караоке. У нас лучший репертуар во всей Богатырке: Сева Душный, Гриша Халявный, Маруся Липкая. Ну и Миша Квадратный – это само собой...

Не успела Уля ответить «нет», как в паузу в монологе владельца кафе «Баланда», которым был, оказывается, усатый, вписался бойкий бархатный баритон, принадлежащий новому лицу нашей повести.

Лицо было в недельной щетине и со взбитыми пушистыми бакенбардами, отчего сильно напоминало пародию на поэта Пушкина периода южной ссылки. Выглядывало лицо из кабины старого, антикварного «москвича», обклеенного, как чемодан туриста, картинками с видами городов и названиями дорогих отелей.

– Я Лева безработный,
Питаюсь, как животный... -

напевало вышеозначенное лицо, хотя, судя по лоснящейся коже, каждый на его месте ради такого питания не отказался бы родиться животным.

Лицо притормозило рядом с кафе и, вынув из кармана платок, промокнуло платком лицо.

– Жарко, – сказала лицо. – Хочется пить и есть. Но бес-

платно – увы, друзья мои! – только первое из этих двух удовольствий.

– Вот и маэстро Клейкель на собственном «мерседесе» пожаловали, – сказал владелец кафе «Баланда».

– Рак лебедю не товарищ, – ответил новый человек с бакенбардами. – Это такая шутка, – добавил он, покидая машину, – вариации на тему басни Крылова. Той, где лебедь, рак и щука тянули воз, – может, слышали?

Он с достоинством английского пэра величаво пересек тротуар и зашел под навес террасы.

– Здравствуйте, молодой человек, – кивнул Герке маэстро Клейкель. – Здравствуйте, юная леди, – простите, но не знаю ваших имени-отчества.

– Уля Ляпина, супердевочка, Санкт-Петербург.

– Очень-очень-очень приятно, дорогая супердевочка Уля Ляпина. – Он галантно указательным пальцем на секунду взял Ульянину руку и приложился к руке губами. Ноготь на пальце старого джентльмена был хоть и по-пушкински длинен, но почему-то не по-пушкински грязен.

– Я, собственно, не к вам, Телепалов, – повернулся он к владельцу кафе. – Я с предложением к этому молодому человеку. – Маэстро Клейкель подошел к Герке и потрепал мальчика по плечу. Затем взгляд его переместился в сторону улицы, где стояла одинокая Чуня и жевала цветы на клумбе. – Дело в том, что от некоего заинтересованного лица, имени которого пока называть не стану, поступило одно лю-

бопытное предложение. Понимаете, Геркулес, лошадь ваша ему нужна. Для важных научных опытов.

Герка побледнел, весь напрягся и бешено завертел головой.

– Не отдам. Ни для каких опытов. – Он попятился к выходу из кафе.

– Да погоди ты со своим «не отдам», – остановил его хозяин «Баланды». – Ну а сколько, хм, маэстро, – обратился он к господину Клейкелю, – готово ваше заинтересованное лицо отстегнуть, извиняюсь, бабкок за эту редкую, исчезающую породу животных, занесенную к тому же в Красную книгу?

– Денег платит это лицо достаточно.

– А баксами или хохлобаксами, позвольте спросить?

– Чем угодно, хоть японскими иенами.

– Так чего же мы здесь стоим, время тянем? Передайте вашему заинтересованному лицу, что Герка продать зебру согласен.

– Да вы что! С ума посходили? Вот уж фигушки, Чуню я не отдам! Ни за какие деньги! – Герка пнул кастрюлю ногой. Та упала на бок и покатилась: сначала робко – по террасе кафе, а затем, набирая скорость, вдоль по трассе «Феодосия – Севастополь». Дряблые, остывшие фучинэ, хлопая резиновыми ушами, выпрыгивали на ходу из кастрюли и исчезали в придорожных кустах.

– Пойдем отсюда, ну их в болото! – сказал Герка супердевочке Уле Ляпиной, сбежал с террасы и, обняв Чуню за шею,

быстрым шагом двинулся от кафе прочь.

Супердевочка не заставила себя уговаривать, но все же, перед тем как уйти, показала двум оставшимся под навесом противным личностям свой знаменитый язык. Читатель знает из первой повести, что язык у супердевочки Ули Ляпиной мог легко завиваться в трубочку и делать всякие обидные штуки.

Глава 4. Профессор Омохундроедов

Некоторые не любят квадраты, другие – параллелепипеды, третьи ненавидят овалы, с детства рисуя вместо овалов исключительно углы и зигзаги. Профессор Омохундроедов не любил параллельных линий. Стоило ему где-нибудь углядеть хоть парочку параллельных линий, как внутри у него все кипело. Рука его тянулась к фломастеру, и скоро ненавистные параллельные превращались в клетки, кресты, квадраты, успокаивая нервы и зрение.

Даже небо он предпочитал в клеточку, поэтому все окна и форточки в доме профессора Омохундроедова были в стальных решетках.

Домашний халат профессора, нетрудно догадаться, был клетчатый. Костюм, рубашки, галстуки и носовые платки также не отличались разнообразием. Туфли профессор заказывал себе у элитного сапожного кутюрье Подметкина, а на пошивочный материал для обуви шла кожа клетчатого тапира.

С детства боясь простуды, носил профессор сшитую на заказ особенную клетчатую тельняшку. Несколько лет назад, когда знаменитые питерские митьки гастролировали по черноморскому побережью с концертом митьковской пес-

ни, Митя Шагин, главный митек страны, увидев в публике эту неправильную тельняшку, от расстройства забыл слова, и лучшая митьковская песня «Лети, Икарушка» осталась недослушанной-недопетой.

Узнав, что в Богатырке появилась продольно-полосатая зебра, профессор Омохундроедов не спал две ночи подряд и даже кусочек третьей, так ему хотелось заполучить животное в свою собственность. Во второй половине третьей бессонной ночи, когда профессор, съев пятнадцать упаковок снотворного порошка «Полет», все-таки с трудом, но заснул, приснился Омохундроедову сон. Будто он, профессор Омохундроедов, въезжает на белой зебре на главную площадь страны, которая, если кто-то не знает, расположена между универмагом ГУМ и древней стеной Кремля в столице нашего государства городе-герое Москве. Въезжает он, значит, на белой зебре на площадь, а там, на площади, встречают профессора толпы празднично одетых людей и кричат ему, показывая на зебру: «А где же у твоей зебры шашечки?» И действительно, шашечки на зебре отсутствуют! Он, Омохундроедов, хочет снять с себя рубашку и галстук, чтобы как-то скрыть упущение, закамуфлировать с помощью предметов одежды неестественную расцветку зебры, но тут с ужасом выясняет, что одежды-то на нем практически нет. То есть он, заслуженный профессор наук, сидит на зебре в одних носках и в клетчатых семейных трусах, едва прикрывающих острые профессорские колени. Тогда профессор, не зная, как посту-

пить, хочет развернуть зебру, чтобы быстренько улизнуть с площади. Но не тут-то было. Распахиваются главные ворота Кремля, и навстречу голому профессору Омохундроедову выходит президент нашего государства, показывает на зебру пальцем и говорит: «А где же у нее шашечки?» Он, профессор, не успевает и рта открыть, как зебра по-человечески отвечает: «Это у такси шашечки, а у нас, у зебр, не шашечки, а полосы».

На этом страшном моменте сна профессор не выдержал и проснулся. Налил себе полную простоквашечницу простокваши, выпил ее вздохом и, не дожидаясь утра, решил: «Эта зебра будет моей!»

Причина профессорского желания объяснялась просто. С детства мечтой Омохундроедова было вывести такую породу зебр, чтобы шкура у этой самой породы радовала омохундроедовский глаз. Следовательно, была в клеточку. Он и в профессору-то пошел единственно по этой причине. И лишь теперь мечта всей омохундроедовской жизни, похоже, превращалась в реальность.

Жил Омохундроедов в маленьком скромном трехэтажном особнячке на скалистом берегу моря, примерно в километре от Богатырки. Особнячок был окружен садиком, а садик – большим забором с колючей проволокой и страшной надписью на воротах: «Не входите! Стреляю без предупреждения!» Если бы отыскался в природе какой-нибудь бес-

страшный герой, одетый в каску, бронежилет и пуленепробиваемые штаны, и если бы подобный смельчак отважился пройти за ворота, то на момент описываемых событий он застал бы картину довольно мирную: развешанное на бельевых веревках клетчатое профессорское белье, гаражик на четыре машины, небольшое искусственное болото, в котором жили два профессорских крокодила Егор и Гена. И конечно же, самого профессора, нетерпеливо вышагивающего перед воротами и прислушивающегося к наружным звукам.

Скоро в тишину за воротами ворвалось жирное урчание автомобиля. Профессор глянул в глазок-бинокль и ударил кулаком по ладони. Это значило: профессор очень волнуется. Еще бы ему было не переживать, когда, возможно, буквально через минуту сбудется мечта его жизни. Какое-то тягучее время ушло у профессора на то, чтобы справиться с системой запоров на бронированной машине ворот. Наконец механизм ворот раздвинул неповоротливые створки, и на простреливаемую без предупреждения территорию въехал старый, антикварный «москвич», обклеенный, как чемодан у туриста, картинками с видами городов и названиями дорогих отелей.

– Я Лева безработный,
Питаюсь, как животный... -

доносилось из кабины водителя.

Вы, наверное, легко догадались, что за рулем был не кто иной, как небезызвестный маэстро Клейкель, знакомый вам по предыдущей главе.

Маэстро еще не покинул кабины, как стремительный профессорский нос уже сунулся внутрь автомобиля, пригнувшись к салонным запахам.

– Где? – спросил профессорский рот, когда нос, не найдя искомого, разочарованно обвис, как сосиска. Речь профессора вообще отличалась краткостью, а теперь, когда мысль о зебре распирала со страшной силой профессорскую черепную коробку, слова слиплись в колючий ком и с трудом выстраивались во фразы.

– Завтра, завтра, – улыбаясь, ответил маэстро Клейкель. – Уже завтра вы получите вашу зебру.

– Хочу сегодня! Не хочу завтра! – обиженно захныкал профессор.

– Потерпите, никуда она от вас не уйдет, – пытался успокоить его маэстро, но профессор не желал успокаиваться.

– Я утраиваю цену! Ушестеряю! Только дайте мне ее сегодня, сейчас! Иначе... – В сердцах профессор бросился к искусственному болоту.

«Пусть уж лучше меня съедят крокодилы, – подумал он в припадке отчаяния, – чем я буду мучаться в ожидании завтра!»

– Нет, нет, не делайте этого! – Маэстро Клейкель схватил профессора за рукав, удерживая от опрометчивого поступка.

Крокодилы Егор и Гена злобно на него посмотрели, а Егор даже показал кулак. – Хорошо, я постараюсь доставить зебру сегодня вечером.

– Ура! – вскричал профессор Омохундроедов. – Значит, сегодня ночью я смогу наконец приступить к выведению новой породы! Раз так, пойду-ка я поем клюквы...

Глава 5. Черный дельтаплан

Геркин дом на Ут *и*ной улице стоял самым последним. Дальше начинались участки, разгороженные кривыми плетнями и мелкими островками бука вперемешку с можжевельником и орешником. Слева, за домами, начиналась гора, где полого, а где покруче карабкаясь в горячее небо.

Мама Герки была на работе, перед домом в грядках с цветной капустой ковырялась бабушка Геркулеса, сухонькая маленькая старушка в тапках на босу ногу, халате и шерстяном платке.

Ульяна познакомилась с бабушкой, а после они с Геркой повели Чуню в ее жилище – скромный глинобитный сарайчик, стоящий под старой грушей чуть в стороне от дома. Чуня сунула морду в таз с теплыми отрубями, который ей поставила бабушка, и, поглядывая одним глазом на Герку, принялась за свой животный обед.

– Не капризничай, не груби бабушке, помогай маме, – настаивал Геркулес Чуню, перед тем как закрыть дверь сарайчика на крючок. – Ночью, если будешь вести себя хорошо, я разрешу тебе искупаться в море.

– Ночью? – удивленно спросила Уля, когда они, оставив Чуню наедине с обедом, двинулись по дорожке к дому.

– Ночью, – подтвердил Геркулес. – Они у себя в Африке только ночью купаются. Днем там крокодилы хозяйничают,

а ночью все крокодилы спят, переваривают обед и ужин. Да и попробуй заведи ее в воду днем! Тебя ж пляжные мамыши, которые на гигиене повернутые, так затюкают, что мало не станет. Собак блохастых – этих пожалуйста. А зебра якобы разносчик заразы, на зебру якобы у их детей аллергия. Я и ночью-то вожу ее в Скалистую бухту, куда редко кто и днем забирается.

– А мне можно, – спросила Уля, – посмотреть, как твоя Чуня будет купаться?

– Ночью? – Герка бросил строгий взгляд на Ульяну. – А родители тебе разрешат? – Хотя сегодня он уже не раз убеждался, что супердевочки бесстрашные существа, но все-таки Ульяна была девчонка, а все девчонки тряпочницы и плаксы, об этом знал любой мальчишка с их улицы.

– Я – супердевочка, я темноты не боюсь. И потом я здесь не с мамой, а с тетей Галей. Она сама каждый вечер – то на танцы, то на теплоход с музыкой и раньше ночи еще ни разу не возвращалась. Она даже и не заметит, что меня нет, подумает, что я сплю.

– Ладно, только, если тетя узнает, не рассказывай про меня и Чуню. А то и так в последнее время у нас с Чуней одни неприятности. – Герка пропустил Улю вперед и прошел в дом.

Покормив гостью и перекусив сам, Герка, как обещал, повел показывать Ульяне окрестности. Естественно, они полезли на гору, которая по непонятной причине называлась Ка-

зачий Ус. Геркулес знал здесь наизусть все тропинки и заросшие кустами расселины, поэтому уже минут через сорок они стояли на открытой площадке и смотрели на море, на Богатырку, на летящие по шоссе машины и на мелкие фигурки людей. Склон за ними тянулся выше и оканчивался грубыми пиками, проглядывающими из-за зеленых крон. Но туда они взбираться не стали.

Море было такое большое, что даже белые точки кораблей превращались из белых в черные, пока достигали дальней, едва заметной линии горизонта. Оно искрилось, как чешуя рыбы, а местами на искрящейся зыби лежали тихие участки воды и просвечивали до самого дна. Больше моря были только воздух и небо, наполненные лучами солнца и белыми длиннокрылыми птицами.

– Красиво, – сказала Уля, щурясь от слепящего света.

Сдунув в сторону облако мелких мошек, Герка крикнул в бесконечную глубину:

– Эй! Папа! Это я, Геркулес! Э-э-эй! Ты меня слышишь?

Прождав с минуту и не дождавшись ответа, он безнадежно махнул рукой.

– Как же он может тебя услышать, когда у них, в Африке, сейчас ночь и все африканцы спят? – спросила Геркулеса Ульяна.

– Папа не спит. Он сторожит от браконьеров диких животных. Браконьеры...

Договорить он не успел.

Ветвистый ветер с силой задул вдоль склона, и небо над головами Ули и Геркулеса накрыла тень. Она была широкой и треугольной, эта непонятная тень, и когда они посмотрели вверх, то увидели черный парус и висящего под ним человека. Он держался за рулевую трапецию и, удобно развалясь в гамаке, правил дельтапланом в их сторону. С черными развесистыми усами и с повязкой, закрывающей пол-лица, он похож был на классического пирата из романов Сабатини и Стивенсона. Не хватало только бутылки рома и попугая, выкрикивающего: «Пиастры!».

– Кто это? – спросила Ульяна.

– Это Люлькин, – мрачно ответил Герка, – он хозяин этой горы. У него там станция дельтапланов. – Геркулес показал наверх.

– Какой я Люлькин? Я – ворон! – Капитан пиратского дельтаплана разразился пиратским карканьем. – Я ужас, летящий на крыльях ночи! Я Бэтмен, я – кар-кар-кар – инкарнация капитана Крюка!

Обкарканные, Герка и Ульяна переглянулись.

– Диагноз ясен, – сказала Уля. – Помутнение рассудка на почве злоупотребления американскими мультсериалами.

– Нет, это он по жизни такой, – ответил супердевочке Геркулес. – У нас в поселке его называют Чучельщик. Он скушает знаменитых животных и делает из них чучела. – На последней фразе Герка поник лицом. – Он за Чуню мне собаку Павлова предлагает, только не живую, а чучело – с резино-

вой пипеткой на животе, из которой желудочный сок капал во время опытов в стеклянную баночку. У него этих собак две.

– Что за дурость! Зачем тебе собака с пипеткой? Да еще мертвая! – возмутилась Уля.

– Вот и я ему говорю: зачем? Только он не отстает, предлагает и предлагает.

Тем временем капитан дельтаплана снизился почти до уровня их площадки и лавировал в воздушных потоках где-то метрах в десяти от ребят.

– Эй, послушай! – кричал он Герке. – Предлагаю в придачу к собаке Павлова чучело австралийского кенгуру-боксера, выигравшего в семидесятом году на чемпионате мира в Берлине. Кенгуру отдаю с перчатками и порядковым номером «28». Согласен?

– Не согласен! – ответил Герка.

– Это глупо! – кричал пират. – От твоей зебры прямой убыток! А тут на одних только желающих сфотографироваться в обнимку с чучелом чемпиона мира по боксу каждый день будешь зарабатывать по мешку денег. Соглашайся, пока я добрый!

– Нет-нет-нет! – Герка быстро замотал головой и, схватив супердевочку за руку, потащил ее по тропинке вниз.

– Да отдай ты свою кобылу, какой в ней прок! – слышалось у них за спиной. – У лошади души нет, только пар. Это я в одном учебнике прочитал, когда на курсах воздухоплавания

учился. Не веришь – у Юсупа спроси, он татарин, он все о лошадях знает.

– Вот пиявка! – сказала Уля. – Был бы он не в воздухе, а здесь, на горе, я бы ему быстренько показала прием народной корейской борьбы тхквандо. Дала бы пяткой по тыкве, он бы сразу отстал как миленький.

Супердевочка развернулась, чтобы показать воздушному прилипале, как бы ловко она это сделала, но вороново крыло дельтаплана уже исчезло, будто его и не было.

Глава 6. Фанерный фотограф Гоблин

Вынесло однажды на богатырский берег письмо счастья в бутылке из-под укропной воды «Аленушка». Долго это письмо носилось по беспокойным океанским волнам, начав плавание в далекой Новой Зеландии, сто раз обошло оно вокруг света, пока не попало наконец к жителю Богатырки Гоблину Руслану Борисовичу. Помимо счастья как отвлеченной категории человеческого сознания типа журавля в небе, письмо обещало его счастливому получателю материальное вознаграждение в размере одного миллиона евро по курсу Центрального банка России на момент вылавливания бутылки. Взамен же требовало письмо небольшое – всего лишь чтобы его скопировали от руки в количестве двадцати экземпляров и переписанные копии в течение девяноста шести часов разослали двадцати адресатам. Далее в письме приводились разные исторические примеры. Так, создатель Шерлока Холмса сэр Артур Конан Дойль не поленился переписать письмо в указанном количестве копий и ровно через четыре дня выиграл на скачках свой миллион. А вот советский политический лидер Никита Сергеевич Хрущев отнесся к письму наплевательски – порвал его и отправил в урну. В результате через четыре дня его скинули с поста председателя.

За миллион евро Гоблин Руслан Борисович готов был не то что написать двадцать копий, за миллион евро он готов был плясать впрысядку, кукарекать и играть на пиле. Поэтому, когда двадцатый переписанный от руки экземпляр письма благополучно провалился в синий почтовый ящик местного отделения связи, Гоблин радостно потер руки и принялся терпеливо ждать.

Первый день ожидания прошел относительно спокойно. На обед Руслан Борисович ел гороховый суп с грудинкой, тушеные баклажаны с перцем и пил компот из абрикосов и груш.

Второй день ожидания принес налоговую квитанцию с требованием в кратчайший срок заплатить налог за частную трудовую деятельность, которой Руслан Борисович занимался.

– Ничего, два дня подождут, – сказал на это Руслан Борисович, без двух дней как миллионер.

Третий день ожидания прошел в беседе с художником Наливайко, который требовал восемь гривен за незаконченный портрет культуриста, заказанный Русланом Борисовичем еще летом прошлого года.

– Где работа? – возражал Гоблин. – Неси работу, заплачу гонорар.

– Ну Руслаша, – отвечал Наливайко. – Мы ж с тобою не билетеры в турецких банях, мы натуры творческие, ранимые. Без вдохновения какая работа?

– А фанера?! – кричал Гоблин в сердцах. – Я тебе два листа фанеры для чего выдал? Каждый – метр сорок на метр восемьдесят. Знал бы, что ты столько будешь меня мурожить с этим чертовым культуристом, заказал бы работу Репкину. Или Шикину. А лучше сделал бы фанерный аэроплан и улетел бы отсюда к чертям собачьим, чтоб не видеть твою наглую рожу.

Дело в том, что Руслан Борисович по профессии был пляжный фотограф. Знаете, которых встретишь на каждом пляже в любом месте черноморского побережья с раскрашенным фанерным щитом, в выгоревшей на солнце шляпе и с профессиональной фотокамерой на штативе, напоминающем марсианский треножник.

Предмет спора между фотографом и художником – в данном случае портрет культуриста – имел для Гоблина большое значение. Руслан Борисович был не просто ремесленником, тупо щелкающим рычажком фотокамеры. Мастер Гоблин ловил тенденцию в переменчивых желаниях публики сняться в том или ином образе. В этом и ближайшем сезонах, Гоблин был уверен на сто процентов, самый модный, а значит, и самый прибыльный – образ сильного, накачанного мужчины, умеющего постоять за себя. Все замученные жизнью мужья, все бескровные приезжие отдыхающие с атрофированными мышцами тела и сутулой плоскогрудой фигурой вытянутся в длинную очередь, только чтобы всунуть физиономию в вырезанную в фанере дыру и хвастаться затем по-

сле отпуска, какие они крутые, когда разденутся.

Короче, никаких восьми гривен Руслан Борисович Наливайко не дал. Наоборот, пообещал вычитать с того за фанеру, если в двухдневный срок художник не закончит картину.

Последний день ожидания наполовину прошел в трудах. До обеда Руслан Борисович работал на пляже, снимал желающих, но желающих было мало. Фанерный щит с нарисованным на нем запорожцем, тычущим острой сабелькой в какого-то летучего супостата, перестал пользоваться успехом. Случилось это вскоре после того, как украинская ракета во время учений сбила следовавший из Израиля самолет.

День медленно приближался к вечеру, и возбуждение Руслана Борисовича поднималось, как тесто для именинного пирога. Он прислушивался к каждому звуку, принимался к каждому запаху – но ни хруста, ни запаха миллиона евро пока что почему-то не наблюдалось.

Около девяти вечера он услышал автомобильный гудок.

«Вот оно!» – подумал Руслан Борисович и, как был, в костюме, шляпе и галстукe, выскочил за порог дома.

– Я Лёва безработный,

Питаюсь, как животный... -

доносился из кабины старого «москвича» бойкий бархатный баритон, конечно же, вездесущего Клейкеля, уже известного вам маэстро.

Руслан Борисович промокнул лоб. Прихлынувшая было волна восторга тут же отхлынула. Гоблин знал, что от подобного гостя не дождешься даже дырки от бублика. Он хотел уже открыть рот, чтобы вяло поинтересоваться у Клейкея, какого дьявола тот пожаловал, как на лице хозяина «москвича» засияла ослепительная улыбка.

– Руся, есть дело на миллион, – негромко, но вполне достоверительно сообщил Руслану Борисовичу маэстро. – Короче, садись, поехали. Подробности расскажу по дороге.

Глава 7. Телепалов плетет интригу

Сдвинув брови и медленно шевеля губами, Телепалов, хозяин кафе «Баланда», сидел за столиком на сутулом стуле и выкладывал из куриных косточек картину художника Айвазовского «Пушкин на берегу Черного моря». Это ему помогало думать. Барменша Долорес Ефимовна и вышибалы Витек и Вовик робко терлись у стойки бара и беззвучно поглощали пельмени. Когда их хозяин думал, нельзя было ни чавкать, ни чокаться, ни шумно продувать зубы.

Наконец Телепалов встал и направился к выходу из кафе.

– Думай не думай, а сто рублей не деньги, – сказал он неизвестно кому. На пороге обернулся и строго пригрозил барменше: – Сколько можно повторять, Долорес Ефимовна? В тухлую говядину надо добавлять марганцовку, а в тухлую курятину – хлорку. А вы все почему-то наоборот. Так всех посетителей распугаете из-за своей невнимательности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.